

БИОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНЕННОГО МИРА¹

Константин Дивисенко
Социологический институт РАН

Понятие «жизненный мир» вошло в тезаурус социальной теории XX века в середине 30-х гг. после публикации работы «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» Э. Гуссерля.

Основная идея Э. Гуссерля состояла в том, что «жизненным миром» исчез под влиянием норм естественной позитивной науки, начало которой положили Галилей и Декарт в XVII веке и возведенный в ранг святых Лейбницевский проект *mathesis universalis*².

Кризис европейских наук, по мнению Э. Гуссерля, заключается в заблуждениях новоевропейского рационализма, который не является сам по себе злом, но та форма, которую он принял к началу XX века, представляет собой заблуждение. Камнем преткновения рационализма стала наивность объективизма.

«Объективистские науки то, что они называют объективным миром, считают за универсум всего сущего, не замечая при этом, что двигающая науку субъективность не находит себе места ни в одной из объективных наук»³.

Основанием субъективной работы исследователя остается жизненный мир. Тематизируется научным дискурсом «идеализированная и наивно объективированная природа», окружающий жизненный мир остается нетематизированным, отброшенным в субъективное, которое должно исключаться из поля научного исследования.

Таким образом, основной задачей обращения к жизненному миру стала попытка возвращения к смысловым истокам бытия, преодоление кризиса новоевропейской науки становится возможным благодаря наполнению ее жизненным содержанием.

Идеи феноменологии были подхвачены Альфредом Шюцем, который был одним из первых разработчиков идей социальной феноменологии, а также представителями Чикагской школы социологии. Идеи феноменологии в социологии стали разрабатываться в таких направлениях, как социальная феноменология знания (П. Бергер и Т. Лукман), этнометодология (Г. Гарфинкель), драматургическая социология (Э. Гофман). Жизненный мир также был одной из основных категорий в социальной теории Юргена Хабермаса и функционалистской теории Талкота Парсонса. Здесь жизненный мир понимается как мир ежедневной коммуникативной интеракции⁴.

Отправная точка феноменологической социологии – проблема приобретения человеком социального опыта, определяющего дальнейшее взаимодействие с миром. В качестве цели выступает не объяснение объективного мира, а то, как конструируется собственный мир человека и мир социальных отношений.

Согласно феноменологическому подходу, весь мир – результат конструирующей активности субъекта. Вещи реального мира существуют вне зависимости от нас и нашего сознания, но образ мира и образы вещей как объекты нашего сознания являются результатами нашей прошлой деятельности.

Феноменология идет собственным путем, не впадая в

крайности материализма и идеализма⁵. Основной пафос феноменологии заключается не в отрицании объективного мира, реальных вещей самих по себе, как это может показаться, а в акцентировании на четком разделении предмета и образа.

Феноменологический подход в социологии кажется наиболее очищенным от «предрассудков», гегемонии идеологии: так, например, в марксизме, фрейдизме, и др. теориях человек рассматривается заранее проинтерпретированным с точки зрения этой концепции.

Реальность, мир, действительность познаются в обыденном сознании, религии, искусстве, науке. Но в каждой из этих сфер схватывается только определенная часть – аспект, оттенок – мира, в соответствии с той теорией, которая содержится в данных областях. Воспринимаются те оттенки мира, которые релевантны для определенного субъекта, для определенных целей (соответствуют правилам мышления, служат для осуществления действия/взаимодействия и т.п.).

«Жизненный мир есть... действительность, которую мы изменяем с помощью своих поступков и которая в свою очередь меняет наши поступки. Можно сказать, что наша естественная установка в отношении мира повседневной жизни определяется лишь прагматическим мотивом»⁶.

Все знание о мире содержит ряд конструкций, непригодных самому миру, а являющихся результатами мышления (обыденного, религиозного, научного и т.д.). Как таковых фактов в природе не существует, они являются теоретическими конструкциями, через призму которых рассматривается мир. Факт становится фактом, когда определенная теоретическая конструкция пытается применить себя на практике. Способность видеть и обнаруживать факты зависит от теоретической (в широком смысле) подготовки человека, от уровня организации человеческого мышления. Релевантность не присуща природе, действительности, миру. Факты видимы становятся только для исследователя.

Мир социальных отношений принципиальным образом отличается от мира природных явлений. Природа могла бы существовать без человека, без его вмешательства и, тем более, без научного ее изучения. Но социальный мир – мир, в котором живут люди – упорядочен людьми, конструкциями обыденного мышления. Это упорядочение социального мира обыденным мышлением может быть и ошибочным, с точки зрения науки, но оно обязательно операционально, прагматично, то есть служит практическим целям.

Обыденное мышление упорядочивает не только социальный мир, но и мир природных явлений. Таким человек его принимает с рождения, в предстанных других интерпретациях. Мир человека состоит из определенного числа объектов, и ограниченного количества их свойств. Если предмет *A* имеет определенное количество свойств - *q, r, s, t*, то для обыденного опыта может быть

1 Исследование осуществлено при поддержке Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга.
2 Harrington A. Lifeworld // *Theory, Culture & Society* 23 (2-3). P. 341

3 Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // *Вопросы философии* 1986, №3.

4 Harrington A. P. Op. cit. P. 341.

5 Колядко В.И. К проблеме феноменологического метода // Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации. Материалы научной конференции. Серия "Symposium", выпуск 7. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. http://anthropology.ru/ru/texts/kolyadko/modern_15.html

6 Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. – СПб.: «Алетейя», 2000. С. 86.

вполне достаточным обладание объектом только свойства q , а другие свойства открываются, например, в научном исследовании или религиозном опыте (большой валун, начинает рассматриваться как редкая горная порода или сакральный жертвенник).

«Под повседневным жизненным миром понимается та область реальности, которая свойственна в качестве простой данности нормальному бодрствующему взрослому человеку в здравом рассудке. Простой данностью мы называем все, что переживаем как несомненное, то есть любое положение дел, которое до поры до времени является для нас непроблематичным»⁷.

Жизненный мир формируется благодаря опыту. Очень небольшая часть знания о мире является результатом личного опыта, большая же часть воспринимается от других, т.е. имеет социальное происхождение. Социальный опыт актуализируется при каждой новой ситуации, когда имеет место либо соответствие прежнему опыту, либо нет – тем самым пересматривается предыдущий опыт в соответствии с новым. Каждый новый опыт, соответствующий или несоответствующий предыдущему складывается в непротиворечивую теорию, представление о мире.

Также наличное знание, опыт определяются жизненной траекторией. А. Шюц предложил концепт «биографически детерминированная ситуация» - это своего рода социокультурный опыт, принадлежащий определенному социальному агенту в определенном момент времени.

«Человек в любой момент своей повседневной жизни находится в биографически детерминированной ситуации, т.е. в определяемом им физическом и социокультурном окружении, в котором он занимает определенное место, не только в пространственно-временном или статусно-ролевом смысле, но и в морально-идеологическом. Сказать, что ситуация является биографически детерминированной, значит сказать, что она имеет свою историю; это осадок всего предшествующего опыта человека, организованного в привычные данности его наличного знания, и как таковые являющиеся исключительно его личной собственностью, данной ему и только ему»⁸.

Биографически детерминированная ситуация определяет набор релевантностей, свойственный каждому социальному агенту. Схожесть биографических ситуаций отдельных людей делает возможным понимание и социальное взаимодействие. Знание, независимое от уникальных биографических обстоятельств отдельных людей, всеобщее, объективное, анонимное появляется благодаря взаимности перспектив (воспринимаемое одним человеком воспринимается приблизительно так же и другим).

В понятии «жизненный мир» самим Э. Гуссерлем заложена некоторая двойственность. С одной стороны, «жизненный мир» – мир донативный, из которого возникают науки, когда устранены все теоретические установки; с другой стороны, это - мир, определяемый науками, частью которого они являются⁹.

Другими словами, под «жизненным миром» в узком смысле понимается определенный слой жизненного мира, благодаря которому становятся возможны науки, практики и т.д. В широком смысле жизненный мир включает в себя все науки и практики – исторический, социокультурный мир, в котором отражаются все то, что со временем становится неотъемлемой его частью и транслируется от поколения к поколению. Можно заметить, что часть вещей привычного для нас жизненного мира, которые постоянно или время от времени используются в повседневной практике, обязаны своим существованием

ему науке (например, вычислительная, бытовая техника), но которые воспринимаются в своей непосредственной данности. Например, когда житель города приезжает в деревню и там, к своему удивлению, не находит тех условий для комфортного существования, которые в городе даны ему как сами собой разумеющиеся.

В феноменологической социологии, как правило, понятие «жизненный мир» используется в широком значении.

Жизненный мир определенного человека или социальной группы перестает восприниматься как сам собой разумеющийся, когда происходит обнаружение или столкновение с жизненным миром другого человека или группы. Жизненный мир в этом случае получает измерение – своего рода шкалу – «домашнее/чуждое». То, что выходит за рамки нормальностей «домашнего мира», расценивается как чуждое, ненормальное, шокирующее и т.п. Формирование «жизненного пространства» происходит, в том числе, и под влиянием чужого мира. «Домашний мир ... можно определить как горизонт наглядных и само собой разумеющихся для всех его представителей данностей»¹⁰.

Одним из возможных способов изучения жизненного мира может стать биографическое исследование.

Обращение к биографическому методу в социологических исследованиях произошло в тот момент развития социальной науки, когда акцент стал переноситься с создания больших теорий, объясняющих всю совокупность социальных отношений и определяющих закономерности жизни социума, на эмпирические исследования отдельных социальных сфер и социальных фактов. Исторически это совпало с обращением к жизненному миру в рамках феноменологии – то есть, пришлось на начало XX века.

В ставшем классическим биографическом исследовании польских крестьян, в качестве предмета было обозначено изучение двух элементов эмпирических данных: объективных данных социальной реальности и субъективных черт социальных акторов – социальных ценностей и социальных установок (аттитюдов)¹¹.

Я. Щепаньский так определяет биографический метод: «В точном значении этого слова «метод биографических документов» мы называем такое проведение социологических исследований, в которых для разрешения поставленного вопроса собираются только материалы, включающие сообщения людей об их участии в событиях и процессах, представляющих собой предмет исследования. А на основании этих сообщений выполняется описание указанных процессов, и выдвигаются объяснительные теории»¹².

Подход к биографическому материалу Я. Щепаньского очень близок количественной парадигме исследования¹³: имеется определенная совокупность гипотез, которую необходимо проверить в исследовании, формируется выборка, создается типизация, формулируется обобщение. Опасность здесь заключается в том, что типологии начинают рассматриваться как подлинное бытие, а не как методы. С другой стороны, в этом подходе принимается на

7 Там же с. 74.

8 Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004. С. 12.

9 Ингарден Р. Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 171

10 Савин А. Э. Концепция историчности жизненного мира в трансцендентальной феноменологии Эдмунда Гуссерля // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 136

11 Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. The Gorham Press, Boston, 1918. Vol.1, P. 20-22.

12 Щепаньский Я. Формы настоящего времени. — 1971. Перевод В. Н. Павленко. Рукопись.

13 Так, он пишет, что возможно использовать личные дневники, написанные разными людьми, но социологическая их ценность будет достигнута тогда, когда будет собрано достаточное их количество, которое позволит получить воззрения более широкой совокупности людей. — Щепаньский Я. Указ. соч.

веру то, что в биографических текстах адекватно отражаются социальные процессы, события прошлого, и нивелируется сконструированная природа нарратива.

В биографическом методе можно выделить две предметные области, которые могут быть изучены с его помощью. Во-первых, биографический метод способен открыть исследователю фактуальный мир прошлого и, во-вторых, внутренний мир человека.

Использование биографического метода для реконструкции самого прошлого может быть осуществлено в рамках как социологии, так и истории. Допустим, для воссоздания истории какой-либо малой социальной группы, о которой не осталось или почти не осталось других свидетельств, кроме жизнеописания ее членов. Предметом исследования здесь станут сами исторические явления (факты)¹⁴. По мнению, И.Ф. Девятко, такой подход к биографии относится к предмету устной истории, для которой важно фактуально точное воссоздание определенных исторических событий, где главным становится не субъективный опыт автора биографии, а историческое знание¹⁵.

Другой способ использования биографического метода нацелен на реконструкцию внутреннего мира людей. В этом случае в биографии сторона исторических явлений прошлого уходит на второй план, в центре внимания исследователя оказывается восприятие человека и презентация данного восприятия в тексте. Так, биографии крестьян, которые жили в эпоху коллективизации, можно использовать для реконструкции прошлого – в исторических целях, уточнять некоторые детали, не отраженные в других исторических работах, а, с другой стороны, благодаря этим жизнеописаниям становится возможным определить ментальные особенности людей¹⁶.

Оба подхода дают возможность решать задачи социологического исследования: например, признаками социального различия, в первом случае, будет описание социальных отношений, во втором, – различие языков¹⁷.

В исследовании жизненного мира становится важным обращение к жизнеописаниям не как к источнику знаний о прошлом, а как социальной конструкции в которой автор создает собственную идентичность.

«Рассказ о жизни будет варьироваться как по форме, так и по содержанию в зависимости от социального качества рынка, на котором он предлагается, а само исследование неизбежно внесет свой вклад в определение формируемого дискурса»¹⁸.

В биографию попадает не сам мир, а его осознание, восприятие. Автобиография – не отражение, а конструирование реальности. Рассказ о жизни – это более чем рассказ, это – интерпретация жизни под определенным углом. Причем рассказ о жизни как отражающий жизнь, так и воздействующий на нее. Рассказывая о своих героических, пусть даже в кавычках, поступках, рассказчик может быть сам того не ведая, становится героем, и начинает относиться к себе как к герою.

«Все респонденты, рассказывающие свои «жизненные истории», анализируют свое прошлое (и предугадывают

будущее) с точки зрения конкретного, «вот-этого», момента своего личного развития, обычно стремятся дать социально-одобряемую и согласованную картину жизни как целого»¹⁹.

В приведенной цитате присутствуют несколько очень важных характеристик, свойственных автобиографиям.

Во-первых, биографии создаются в конкретный момент времени, и мы можем быть уверены, что биография одного и того же человека в момент времени t_1 , при прочих равных условиях, не будет тождественна его же жизнеописанию в момент времени t_2 , так как здесь будут воздействовать не столько отдельные фактические события, которые имели место на этом временном интервале, сколько приобретенный благодаря им жизненный опыт и новый взгляд на мир, самого себя.

Во-вторых, описание жизни конструируется социально-одобряемым и, можно дополнить, социально-ожидаемым конкретным адресатом. Т.е. биография конструируется здесь и теперь обязательно для кого-то, возможно даже и для самого себя, но обязательно для определенного адресата. Здесь можно говорить о диалогической природе биографического нарратива. Рассказ о собственной жизни всегда нацелен на определенного адресата, которым может быть сам автор, воображаемый другой (другие), конкретный человек, абстрактный человек и т.д.

В-третьих, автобиография – «согласованная картина жизни как целого». Здесь также заключается несколько важных характеристик. Автобиография – обязательно рассказ, она имеет нарративную природу, возможно, что даже строится в парадигме классического художественного текста со всеми необходимыми компонентами – экспозицией, кульминацией, развязкой и т.д. Автобиография обязательно целостна: она может не включать целый ряд значимых фактов, жизненных этапов, но то, что в ней описывается и презентуется сведено в единую картину. Здесь будет уместна метафора: автобиография – картина личной жизни. Можно вспомнить пример из изобразительного искусства – серию работ «Мост Ватерлоо» или «Руанский собор» К. Моне. Каждая картина дает целостный взгляд, каждый раз новый, на одну и ту же вещь. Так же и автобиограф, каждый раз конструируя собственное жизнеописание, создает целостную картину (к которой невозможно ничего ни убавить, ни прибавить, как нельзя что-то дорисовать к «Руанскому собору», чтобы тот был более объективно или реалистично изображен). В равной мере нельзя критиковать то репрезентируемое прошлое, которое создается автобиографом, называя его необъективным (даже если специально или неумышленно не упомянуты факты), как нельзя критиковать живописца в необъективности изображаемой вещи.

В биографиях, таким образом, интерес представляет не фактическая сторона и ее достоверность (если только биографический метод используется не в историческом исследовании или устной истории), а нарратив, способ презентации. Поэтому достоверным здесь является не максимальное сходство описанного и описываемого, а соответствие описываемого во времени t , воспринимаемому в это же время t . Человек не тождественнее сам себе: изменяется восприятие, интерпретация и т.д., то есть меняется (в определенных пределах) идентичность²⁰.

Основной особенностью качественных исследований в целом и биографического метода, в частности, является

14 Понятие факт лучше не употреблять в данном контексте, так как он является теоретической конструкцией и не имеет место в реальном мире.

15 Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. – 4-е изд. – М.: КДУ, 2006. С. 69

16 Цветаева Н.Н. Идеология и ментальность. Опыт социологического прочтения биографических текстов и интервью // На перепутьях истории и культуры. Труды СПб. филиала института социологии РАН. – СПб., 1995. С. 117-145

17 Козлова Н. Н. Методология анализа человеческих документов // Социологические исследования 2004. № 1. С. 18.

18 Бурдые П. Биографическая иллюзия // Интер. 2002. № 1. С. 80.

19 Девятко И.Ф. Указ. соч. С. 77.

20 Безусловно, в широком смысле, идентичность человека сохраняется всегда или почти всегда на протяжении его жизни (меняется она в случае смены пола, психического заболевания и в других крайних состояниях). Но идентичность не есть только точка, в которой человек тождествен сам себе, это определенный интервал, на котором человек изменяется, но остается самим собой.

то, что исследователь использует идеографический метод. Для него становится важным каждый отдельный случай, в котором общественное преломляется в индивидуальном, и индивидуальное воспроизводит общественное. «Можно по индивидуальному документу реконструировать картину мира того, кем он произведен, а значит говорить об обществе в целом»²¹. Биографический метод позволяет увидеть индивидуальное измерение социальных отношений. Большим преимуществом автобиографических текстов является то, что они представляют собой законченное целое, дающее возможность исследователю лучше понять и интерпретировать описанное в биографии, чем отдельные разрозненные высказывания, полученные в результате анкетирования.

В пространстве жизненного мира попадают те явления социокультурной реальности, которые воспринимаются как данность, непосредственно, в обыденном опыте, и поэтому достаточно сложно поддаются теоретической экспликации. Здесь сам исследователь должен отстраниться от этого жизненного мира, который, возможно, является для него общим с информантом.

Когда мы говорим о феноменологическом методе, то должны пояснять то, что мы имеем в виду. А. М. Улановский справедливо замечает, что когда используется словосочетание «феноменологический метод», то может подразумеваться следующее:

1. феноменологический метод как общепсихологический метод;
2. процедура феноменологического описания как один из элементов эмпирического исследования;
3. феноменологические приемы психотерапевтических практик;
4. феноменологическая стратегия как разновидность качественного исследования²².

Основная задача феноменологического метода, если ее сформулировать в самых общих чертах, заключается в том, чтобы привести исследуемое к интуитивной (очевидной) ясности. Феноменология противостоит «теоретизму» научных исследований в том смысле, что обращается к данным первичного опыта, а не конституирует новое знание на основе имеющихся теорий и традиций. Таким образом, принципами феноменологического исследования являются беспредпосылочность и очевидность.

Феноменологическая стратегия качественного исследования относится к описательным исследованиям, то есть основной целью исследования является всестороннее и доскональное описание изучаемого предмета. Феноменологическое описание основывается, в отличие от других стратегий качественного исследования, на описании внутренних переживаний субъекта, а не на внешних действиях, поведении. Внутренний мир человека признается самоценной реальностью. Описание этих переживаний, восприятий, основанных на них представлений, становится достаточным материалом для анализа, здесь нет необходимости обращаться к фактическим событиям прошлой жизни, подвергать сомнению достоверность жизнеописания и т.д. Целью феноменологического описания является получение максимально варьируемых описаний, а не выход на статические обобщения и репрезентативные группы – репрезентация феномена, а не социальной группы. Нельзя сказать, что объективное не достигается в феноменологическом исследовании. Здесь в качестве основной задачи выступает поиск значения действия для самого действующего. Это открывает объективное (то, что не зависит от интерпретатора и не является поверхностным, недостоверным, неполным) в субъектив-

ном (во внутреннем мотиве, смысле действия).

В исследовании жизненного мира на биографическом материале феноменологический метод используется как теоретико-методологическая база и как стратегия качественного исследования.

Анализ эмпирических данных – общий для всех качественных исследований. При всем многообразии подходов основная задача – категоризация данных и установление связи между категориями.

Биографическое исследование жизненного мира предполагает следующие процедуры:

1. Первоначальное прочтение данных текста, для того чтобы схватить целое, и повторное чтение текста с целью его фрагментации на отдельные смысловые части – выделение смысловых единиц.

На данном этапе, как можно заметить, решается проблема герменевтического круга: первоначальное чтение схватывает значение всего текста, повторное – проясняет смысл отдельных фрагментов. Выделение смысловых единиц текста зависит от ракурса исследовательской проблематики, они не даны в тексте а priori, но конституируются в соответствии с целью исследования и той исследовательской парадигмой, которой придерживается исследователь. Это объясняется тем, что социокультурный мир намного сложнее определенной исследовательской парадигмы; в конкретном эмпирическом исследовании можно схватить только одну или несколько сторон реальности, так как каждое исследование ориентировано на либо социологическую сторону, либо психологическую и т.п. Следует заметить, что выделение смысловых единиц (открытое кодирование) не тождественно аналогичной процедуре контент-анализа, где выделяется и подсчитывается конкретный набор определенных слов-маркеров или категорий (групп слов). В феноменологическом исследовании на первое место ставится понимание, вычленение описания конкретного феномена, который может выражаться не в наборе конкретных слов, а может быть представлен в дескриптивном виде. В этой процедуре важную роль играет теоретическая чувствительность исследователя. Невозможность однозначной интерпретации делает возможным множественность точек зрения, но их число все же ограничено.

2. Перевод смысловых единиц на строгий язык научного описания. Здесь исследователь стремится в частных деталях отдельного случая увидеть общее, и перевести смысловые единицы, которые могут быть выражены *in vivo*, на язык близкий или являющийся строго научным.

Основная проблема данного этапа – несоответствие дискурса обыденного мышления и научного дискурса. При формализации определенных смысловых единиц может ускользнуть все многообразие оттенков и смысловой насыщенности (послевкусия), которое содержится в языке обыденной речи, и значительно обедняющееся после перевода на научный язык. Зазор между этими двумя дискурсами формирует определенную трудность. Можно заметить, что схватывание целого определенного феномена, его истина, его суть, передается во многих случаях лучше с помощью художественного языка, чем научного описания. Поэтому, безусловно, часть смысла, часть значений текста, теряется на данном этапе. Основная задача данного этапа – категоризация смысловых единиц, переход от конкретных значений к более общим элементам.

3. Группировка смысловых единиц по темам и синтезирование смысловых единиц в единую ткань последовательного структурного описания.

В результате анализа определенный феномен может быть зафиксирован после разбора одного или нескольких случаев. Если в анализе используется только один случай, то он должен быть достаточно насыщен, подробен и репрезентативен. Использование нескольких случаев для ис-

21 Козлова Н.Н. Указ. соч. С. 15

22 Улановский А.М. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. 2007. Т.2. Выпуск 1. С. 141.

следования конкретного феномена позволяет лучше отобразить его многообразие и вариативность.

Когда исследователь пытается обнаружить феномены жизненного мира в автобиографиях, то здесь следует обратить внимание на такие фрагменты текста, которые сопровождаются словами «так принято», «это само собой разумеется». К пристальному вниманию на такие слова-маркеры призывали А. Страусс и Дж. Корбин, эту процедуру они называли – «размахивание красным флагом»²³. За само собой разумеющимся стоит жизненный мир, культурные образцы, не подвергаемые сомнению.

Жизненный мир просто существует, сам себя утверждает и не требует никаких дополнительных обоснований. Таким мир остается в сознании людей и в тексте автобиографии до определенного момента. Острые фазы социокультурных изменений проблематизируют жизненный мир, это изменение отражается в биографических текстах. В этот момент происходит столкновение «домашнего жизненного мира» с другим жизненным миром.

В этот момент человек начинает задумываться над тем, что до этого было для него интуитивно (в декартовском смысле)²⁴ ясно, и начинает видеть то, что оставалось для него нерелевантным, происходит тематизация нового. Это новое со временем может стать таким же само собой разумеющимся, как феномены домашнего жизненного мира.

Примером может послужить автобиографии молодых людей, написанные ими в начале 1990-х. В этих жизнеописаниях, созданных в момент острых социальных преобразований, представлены три жизненных мира: мир ушедшего прошлого со своими атрибутами, институтами и иллюзорностью; жизненный мир, формирующийся в настоящее время, который не воспринимается как собственный; и собственный жизненный мир, который сформировался в первом и взаимодействует со вторым.

«И вот я студент первого курса. Мечта сбылась. Я люблю учиться, узнавать новое, я учусь не для кого-то, а для себя. Мне знакомые говорят, что сейчас учиться не обязательно, <нрзб.> в ларек и делай деньги, покупай подешевле, продавай подороже. Бизнес по-русски. Не производить, а спекулировать, но каждому свое. Я наверное не так воспитан, не все мерится деньгами, есть, мне кажется и другая жизнь, другие ценности.

Что будет с Россией, если все сядут в этот пресловутый ларек? Далеко же мы продвинемся в научном прогрессе. Ученые не нужны, нужны только бизнесмены. А я хочу учиться, не знаю как этот будет, но хочу заниматься программированием, вычислительной техникой, иностранным языком, хочу работать по специальности»²⁵.

Этот фрагмент очень показателен. Автор представляет собственную систему ценностей, которую может противопоставить формирующейся системе ценностей нового российского общества. Судя по биографиям молодых людей, принадлежащих этому поколению (1968-1973), происходит констатация недостатков и достоинств жизненного мира уходящего советского прошлого. Очевидной становится его несостоятельность, ущербность, обманчивость, но не происходит принятия, нового формирующегося жизненного уклада, который воспринимается более молодым поколением людей без критики, как данный.

Жизненный мир структурирует обыденный опыт, он является точкой опоры, незыблемой и непроблематичной реальностью, которая дает человеку возможность сохранять уверенность в собственном бытии, жизненных реалиях. Жизненный мир – своего рода миф, позволяющий жить, действовать, объяснять, понимать и принимать те социокультурные условия, в которых живет человек. Поэтому становится ясным, почему всегда сложно писать автобиографию. Как правило, возникают вопросы: с чего начать? о чем рассказать? Эта трудность обусловлена тем, что к собственной жизни человек относится нерелевантно – воспринимает ее как само собой разумеющееся. Поэтому оказывается сложно ее описать: кажется, что в ней нет ничего особенного. Поэтому многие авторы в качестве вспомогательных средств для конструирования жизнеописания используют какие-то яркие события собственной жизни и относительно этих событий фиксируют повседневность. Другое обстоятельство, затрудняющее жизнеописание, заключается в том, что автобиографическое письмо заставляет подняться над повседневным сознанием, мировосприятием, заметить очевидное и отнестись к нему более критично. Автобиографическое письмо, в какой-то мере, – насилие над жизненным миром; в момент написания само собой разумеющееся перестает быть таковым, тематизируется, подвергается рассмотрению, и возможно даже критике (в кантовском и собственном смысле этого слова).

Биографический метод имеет свою, достаточно узкую, предметную область. Эта область определяется тем, что можно исследовать с помощью данного метода, что релевантно ему. Очевидно, что исследовать спрос на стиральный порошок или аудиторию городских газет с использованием данного метода не представляется рациональным. Эти предметы достаточно хорошо схватываются другими методами социологического исследования. Но когда возникает проблема изучения внутреннего мира человека, сферы его мировоззрения, мировосприятия, моральных суждений, ценностных ориентаций, социальных установок, то тогда становится возможным, а порой даже необходимым обращение к биографическому методу.

23 Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: Обоснованная теория, процедуры и техники. — М., 2007. С. 77.

24 «Под интуицией я подразумеваю не зыбкое свидетельство чувств <...>, а понимание ясного и внимательного ума, настолько легкое и отчетливое, что не остается совершенно никакого сомнения относительно того, что мы разумеем». — Декарт Р. Правила для руководства ума // Сочинения в 2 т.-Т. 1.— М.: Мысль, 1989. С. 84.

25 Биографический фонд СИ РАН, № 608 (М., 1973 г.р.). Орфография и пунктуация – авторские.